

адресантом.

Список литературы

1. *Калмыков А. А.* Интернет-журналистика в системе СМИ: становление, развитие, профессионализация : дис. ... д-ра филол. наук. М. : [б. и.], 2009. 369 с.
2. *Лисицкая Л. Г.* Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар : [б. и.], 2010. 355 с.
3. *Машикова С. Г.* Интернет-журналистика. Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2006. 80 с.
4. *Шмелева Т. В.* Автор в медиатексте [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.novsu.ru/npe/files/um/1588617/portait/Data/avtor_v_mediatekste.html (дата обращения: 15.05.2013).

О. О. Петрова

Научный руководитель: А. Н. Ерёмин,
доктор филологических наук, профессор
(КГУ им. К.Э. Циолковского)

КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ У СЛОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ»

В настоящей работе в качестве объекта наблюдения взяты лексемы, традиционно определяемые как слова, выражающие нравственно-этические категории: *вера, верность, грех, грехопадение, добро, доброта, добрый, достоинство, подлый, порядочный, честь* и др. Основные наблюдения, сделанные нами, можно свести к следующим.

I. Данная лексика, представленная в словарях, не всегда является общенародной в плане тождества семантики значений: в ряде значений отражаются идеологические представления какой-то определенной социальной группы населения. Однако с течением времени единство словаря может возрастать, если в обществе сформировалась терпимость к иной точке зрения.

В толковом словаре 1847 г. *грехопадение* определяется согласно библейским канонам, хотя отсылки «церк.» нет: «впадение в грех; прегрешение» [6].

В толковом словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой дается секуляризованное определение: «*Грехопадение* (книжн.). Нравственное падение, поступок, совершенный в нарушение норм общественной морали (первоначально падение первых людей, Адама и Евы, вкусивших запретный плод от древа познания)» [8].

В толковом словаре 1847 года лексема *вера* представлена следующим образом: «*Вера*. 1. Верование в Бога; безусловное признание истин, от-

крытых Богом. 2. Догматическое учение, принятое целым народом; вероисповедание. 3. Уверенность, твердое упование. 4. Стар. Присяга, клятвенное обещание» [6].

В словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой порядок подачи значений этой лексемы, их число и семантическое содержание иное.

Ср.: «*Вера*. 1. Убежденность, глубокая уверенность в ком-чем-н. 2. Убежденность в существовании Бога, высших божественных сил» [8]. Отличие приведенных толкований в следующем: 1 и 2 значения в словаре 1847 года подаются как безусловные истины, не требующие доказательств. Бог есть, вероисповедание обязательно. Помета «церк.» как бы и не нужна. Иллюстрация для первого значения дана из Библии на старославянском языке, а для второго значения приведен следующий пример: «Принять православную веру».

В словаре под ред. Д. Н. Ушакова 1 значение слова *вера* дано так: «состояние сознания верующего, религия» [7]. Здесь уже ясно отмечено, что такое значение свойственно дискурсу не всякого носителя языка и оно не отражает безусловную истину. Аналогично дано и 2 значение: «убеждение в реальном существовании предметов религии или фантазии, а также в истинности того, что не доказано с несомненностью». Показательна иллюстрация: «*Вера* в черта».

II. В семантической структуре ряда исследуемых единиц нравственные категории коррелируют с материальной основой бытия. С течением времени такая корреляция ослабевает и даже подвергается иронической отрицательной оценке.

Словарь 1847: «*Добро*. 1. Название буквы Д. 2. Все, что хорошо, благополучно, честно, полезно. 3. Благотворение. 4. Движимое имущество. *Доброта*. 1. Ценность; достоинство вещей» [6].

Словарь под редакцией Н. Ю. Шведовой: «*Добро*. 1. Нечто положительное, хорошее, полезное, против. злу. 2. Разг. Имущество, вещи. 3. О ком-чем-н. плохом, негодном (разг. пренебр.). – Такого *добра* и даром не надо» [8].

Материалы толковых словарей свидетельствуют, что связь нравственной категории лексемы *добро* с материально-ценностной категорией лексемы *добро* 'имущество' ослабевает и подвергается иронической насмешке.

Сопоставляя значение лексики старославянского, древнерусского и современного русского языков, и в том числе анализируя в них развитие семантики данной лексемы, Т. И. Вендина пишет: «Добро в языке средневековой Руси воспринимается как социальная категория, так как, с одной стороны, оно указывает на социальное происхождение человека ...» (она приводит в качестве примеров такие слова, как *доброродство* 'родови-

тость, знатность, благородное происхождение', *добророжденный* и *доброурожденный* 'знатного происхождения'), «... а с другой – на его имущество (*добро* 'имущество, богатство')» [3, с. 149]. Исследователь не только отмечает связь лексемы *добро* с материально-ценностной категорией, но и приводит примеры соотношения с социальным статусом. Кроме того, Вендина указывает на то, что материально-ценностная категория данной лексемы была изначально первичной: «Надо помнить, что в языческую пору ...*добрый* означало 'толстый, дородный, богатый'. Впервые христианское учение придало этому слову значение моральное, нравственное» [3, с. 323]. Рассматривая ситуацию в современном русском языке, Вендина пишет: «Трансформировалось осмысление *добра* как социальной категории: хотя существительное *добро* сохраняет значение 'имущество' (приобретая в ироническом употреблении значение чего-то 'негодного, мало нужного' – этого *добра* у нас хватает), однако указание на социальное происхождение человека в нем уже не актуализируется...» [3, с. 152].

Аналогично ушло из лексикона значение слова *честный* со значением 'драгоценный' (о предмете), отмеченное в словарях 1847 г. и Даля: «*Честные* камни, драгоценные, дорогие, ценные, самоцветные, *благородные*» [4].

Любопытное явление наблюдается в семантической структуре слова *задобрить*. В словаре Кузнецова: «*Задобрить*. Подарками, услугами, предупредительным обращением расположить к себе кого-либо, сделать благосклонным, снисходительным. *Задобрить* хозяина. *Задобрить* подношениями, жертвой» [2]. Словарь под ред. Д. Н. Ушакова: «*Задобрить*. Расположить кого-н. подарками, услугами, предупредительным обращением в свою пользу, побудить относиться к себе добрее, ласковее» [7].

Значение данной лексемы может одновременно трактоваться и с материальной позиции, и с этической, т. е. здесь сосуществуют две стороны толкования. С одной стороны, *задобрить* – обогатить кого-то, подкупить и в то же время, с другой стороны, – сделать кого-либо добрым по отношению к себе, благосклонным.

III. Положительные качества нравственных категорий соотносятся вначале нередко или исключительно с высоким социальным статусом (представителями господствующего класса, высшего сословия) – социальным, сословным достоинством, а негативные качества нравственных категорий соотносятся в XIX в. с низким социальным статусом – просто-народьем.

Словарь 1847 г.: «*Достоинство*. 4. Сан, чин, звание. Достигнуть до высоких *достоинств*» [6]. «Богатство составляло все *достоинство*, которого желали они будущему своему зятю, и, спрашивая о числе душ жениха своей дочери, никогда не заботились знать, имеет ли он в себе душу».

(П. И. Шаликов. Темная роща, или памятник нежности, 1819) [5].

Словарь 1847 г.: «*Честь*. 3. Высокое звание, должность... – Прибавят *честь* и дадут жалованья не мало. – У нас уж исстари ведется, что по отцу и сыну *честь*». «Грибоедов. – Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен, и в лентах, и в *честь*. Крылов. – Почет, стремление по пути *честей*? Да что ему в них. Гончаров. – Как с *честью* пролагать блестящий путь к *честям*? Вяземский. – *Честью* они (царевичи Сибирские) бояр выше, а в думе ни в какой не бывают и не сидят» [6]. «Полно бога гневить, Максим Григорьевич! – прервал его Серебряный, – чем ты не брат мне? Знаю, что мой род *честнее* твоего... а здесь перед татарами... мы равны» (А. К. Толстой. Князь Серебряный, 1862) [5]. «Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рачи (мужа *честного*, говорит летописец, т. е. знатного, благородного...)» (А. С. Пушкин. Начало автобиографии) [5].

В словаре под редакцией А. Байбурина и др. находим: «*Честь* – моральные качества, свойственные определенному слою общества. До начала XVIII в. представления о личной чести не было. Признавалась *честь* рода... Представление о личной *честь* стало рождаться с середины XVIII в. и окончательно сформировалось к середине XIX в. Понятие личной чести было свойственно узкому кругу дворянства, преимущественно столичного...» [1].

В словаре пословиц русского народа, подготовленном к изданию в середине XIX в., немало пословиц, связанных со словом *честь*: «Что за *честь*, коли нечего есть. – Припала было *честь*, да не умел ее снесть! – На дурака *честь* [т. е. почету] не напасешься. – *Честь* [т. е. сан, звание, место] ум рождает. – Свинье в огороде одна *честь* – полено. – Жена по мужу *честна* [т. е. жена по мужу прозывается, получает звание и пр.]. – С попом свято дело, с дворянином *честно* [т. е. почетно]». Однако данное слово употребляется здесь в 2 значениях: 1) сан, должность, место, 2) положительная оценка, похвала. Здесь нет значения слова *честь* ‘моральные качества, свойственные определенному сословию’. В связи с рассмотренными проблемами эпиграф А. С. Пушкина: «Береги *честь* смолоду» (пословица) – воспринимается как фраза, в которой речь идет о дворянской чести. И весь текст повести говорит именно о дворянской и никакой иной чести. Современный читатель воспринимает слово *честь* из этого эпиграфа в современном понимании, которое не предполагает сословной ограниченности его референциальной приложимости.

Согласно данным национального корпуса русского языка, существовали *дворянская честь*, *офицерская честь*, но не существовало *крестьянской*, *купеческой*, *рабочей*, *поповской*, *разночинской чести*. «Всем, считавшимся до того времени дворянами, вменялось в обязанность в полуторагодовой срок доказать, когда и от кого пожалована им дворянская *честь*; те, которые докажут, что их род пользовался дворянством не менее

ста лет, получали дворянские гербы» (Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск шестой: XVIII столетие, 1862–1875). «Оба молодые человека изумились; Ворошилов даже вопрос себе поставил: не требует ли офицерская честь удовлетворения?» (И. С. Тургенев. Дым, 1867).

Можно сделать вывод, что в XIX в. господствовало убеждение, что человек, способный только заработать на физическое существование, не имеет представления о нравственном, не думает о высоком, духовном, исторически не может породить нравственных категорий. *Честь* свойственна только сознанию людей материально обеспеченных. Эта категория может осмысливаться человеком, достигшим определенного уровня нравственного развития, человека, свободного от трудовых забот, имеющего время для духовного роста. Крепостные же, дворовые люди не могли иметь ни *честь*, ни *достоинства*. Ср.: Словарь 1847 г.: «*Подлый*. 1. Низкий, *бесчестный*. 2. Принадлежащий к черни, к простонародью» [6]. С другой стороны, представители господствующего класса, как основные и главные выразители и пропагандисты идеологии, стараясь сохранить свое привилегированное положение, должны были быть заинтересованы в том, чтобы *честь* и *достоинство* были свойственны только им, избранным.

В словаре 1847 г. лексема *честный* в первом значении ‘добросовестный, праводушный, сообразный с правилами чести’ отмечается прежде всего (или только) в дворянском дискурсе, ибо «правил чести» у крестьян не было. В словаре Даля в качестве иллюстративного материала приводятся такие примеры: «У них *честное* общество, *честные* гости были. — *Честные* господа! милостивые государи. — Пожалуйте, *честной* господин! — И рекох к *честным* и к воеводам и пр. — Бояре и *честноявлению* сановные людие, стар.» [4]. Во всех примерах *честными* названы люди высших кругов, знатного происхождения.

В первой половине XX в. появляется *рабочая честь*, а также *честь* определенных профессий. Словарь под ред. Д. Н. Ушакова: «*Честь*. 1. Моральное или социальное достоинство, то, что вызывает, поддерживает уважение (к самому себе или со стороны окружающих). 3. Устар. Почести, почетные звания, чины» [7].

Словарь под редакцией Н. Ю. Шведовой: «*Честь*. 1. Достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы. 2. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя. — *Честь* семьи. — *Честь* фабричной марки. — *Честь* врача. *Честь* мундира. 4. Почет, уважение» [8]. Таким образом, у Шведовой мы уже не обнаружим у слова *честь* значения ‘высокое звание, должность, чин, сан’. Связь семантики слова нравственной категории с социальной стороной теряется.

В словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой слово *подлый* реализуется как выражение нравственной оценки и с социальным статусом лица также

не соотносится: «низкий в нравственном отношении, бесчестный» [8]. Нет в современных словарях и 4 значения из словаря 1847 г. слова *достоинство* ‘сан, чин, звание’. Ср. также: в словаре 1847 г.: «*Порядочный*. 3. Ведущий себя как следует, как *принято в свете*. – В кругу *порядочных* людей» [6]. Подразумевалось, что *порядочными* могли быть люди исключительно из высшего света. В словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой: «*Порядочный*. Честный, соответствующий принятым нормам поведения» [8].

Аналогичные процессы изменения в семантической структуре, утраты смысловой привязанности к социальному статусу лица, его сословной принадлежности, отрыва от происхождения человека наблюдаются у слова *благородный* и производной от него лексемы *благородство*. В словаре 1847 года: «*Благородный*. 1. Происходящий от дворянского рода. 2. Имеющий обер-офицерский чин. 3. Великодушный, честный. Также приводится синонимичное слово *благорожденный* (в 1 знач.)» [6]. Там же: «*Благородство*. 1. Происхождение от дворянского рода. 2. Согласие с понятием о чести и нравственном достоинстве» [6]. Аналогично и у Даля: «*Благородство*. 1. Дворянское происхождение. 2. Поступки, поведение, понятие и чувства, приличные сему званию, согласные с истиною, честью и с нравственностью» [4]. Там же: «*Благородный*. 1. Происходящий от дворянского рода, дворянин; обер-офицер, чиновник обер-офицерского чина. 2. Согласный с правилами чести и чистой нравственности; честный, великодушный, жертвующий своими выгодами на пользу других. *Благородие*. Дворянское происхождение». Всякому дворянину, независимо от заслуг или от выслуги его, а равно и всякому обер-офицеру, присвоен почет *благородия*. – Ваше *благородие* черт зародил, а нас грешных Господь спосоздал, говорят о приказных» [4].

В словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой порядок подачи лексических значений уже совсем иной: первым приводится значение нравственной категории, а не социального статуса. Ср.: «*Благородный*. 1. Высоко-нравственный, самоотверженно честный и открытый» [8]. Значение ‘дворянского происхождения, относящийся к дворянам’ дается как устаревшее (отмечено пометой *устар.*). Связь с социальным статусом лица резко ослабевает, значение сословной принадлежности утрачивается. В сознании современного носителя языка ассоциации с высшим сословием не возникают. Следовательно, к концу XX – началу XXI в. привязанность многих лексем нравственных категорий к социальному статусу лица, закреплённость их за господствующим классом или, наоборот, за податным сословием ослабевают или полностью утрачиваются.

Таким образом, толковые словари свидетельствуют о следующем: а) разные значения рассматриваемых слов могут отражать различное понимание того или иного феномена действительности – принадлежать разным дискурсам, отражать отсутствие полного единства национального

словаря; б) нравственно-этические категории исторически связаны с материальной стороной жизни, коррелируют с ней; в) некоторые нравственно-этические категории изначально распространялись на отдельные социальные классы; г) расширение приложимости нравственно-этических категорий к любому человеку свидетельствует об историческом процессе демократизации социальной жизни.

Список литературы

1. Байбурин А., Беловинский Л., Конт Б. Полузабытые слова и значения: словарь русской культуры XVIII – XIX вв. СПб. : Европейский Дом ; М. : Знак, 2004. 680 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
3. Вендина Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М. : Институт славяноведения РАН, 2007. 336 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1981–1982.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 19.10.2013).
6. Словарь церковнославянского и русского языка : в 4 т. / сост. Вторым отделением Императорской Академии Наук. Санктпетербургъ : [б. и.], 1847.
7. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Советская энциклопедия, 1935–1940.
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011. 1175 с.

И. А. Кунилова

Научный руководитель: Т. С. Вершинина,
кандидат филологических наук, доцент (УрФУ)

ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫЙ РЕЧЕВОЙ СТИЛЬ (НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ «ДОСТИЖЕНИЯ»)

В новом, информационном веке коммуникации выходят на первый план во многих сферах жизни. Наиболее часто к ним обращаются тогда, когда речь идет о работе с людьми, например, управлении персоналом. Проблема эффективного управления им не утратила своей актуальности и в XXI в. [6, с. 92]: появляются новые подходы, например, коммуникативный, который заключается в формировании системы внутрикорпоративных коммуникаций компании. Функционально внутренние коммуникации используют практически те же механизмы, что и внешние коммуникации. Тем не менее есть свои особенности, поскольку получатели информации, сотрудники организации, – это люди, чья жизнь и благополучие зависят от успеха компании. Их потребность в информации существенно выше, чем у любой внешней группы. Технологии утаивания информации или смеще-